

РАЗДЕЛ «ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ» /
SECTION “POLITICAL SCIENCES”

5.5.2. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ
(ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ) / 5.5.2. POLITICAL INSTITUTIONS,
PROCESSES AND TECHNOLOGIES

Серия «Политология. Религиоведение»
2024. Т. 47. С. 7–19
Онлайн-доступ к журналу:
<http://izvestiapolit.isu.ru/ru>

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

Научная статья

УДК 323.3

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.47.7>

Предпосылки идеологических трансформаций в современном постиндустриальном обществе в контексте развития Индустрии 4.0

В. А. Фурс*

*Академия государственной противопожарной службы МЧС России,
г. Москва, Российская Федерация*

Аннотация. Исследуется влияние научно-технологических достижений Индустрии 4.0 на восприятие политической действительности в современном обществе. На примере эволюции классических и современных идеологий раскрывается сложная многоуровневая связь между промышленными революциями и социально-экономическими процессами, обуславливающими качественные изменения в структуре общественного сознания. Делается вывод, что интенсивное развитие Индустрии 4.0 и её бесконтрольная интеграция в систему общественных отношений может привести к беспрецедентной дифференциации общества и послужить толчком для актуализации реакционных политико-идеологических течений.

Ключевые слова: Индустрия 4.0, промышленная революция, индустриальная революция, современные идеологии, идеологические трансформации, информационное общество, постиндустриальное общество.

Для цитирования: Фурс В. А. Предпосылки идеологических трансформаций в современном постиндустриальном обществе в контексте развития Индустрии 4.0 // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2024. Т. 47. С. 7–19. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.47.7>

Original article

Prerequisites for Ideological Transformations in Modern Post-Industrial Society in the Context of the Development of Industry 4.0

V. A. Furs*

Academy of State Fire Service EMERCOM of Russian Federation, Moscow, Russian Federation

© Фурс В. А., 2024

*Полные сведения об авторе см. на последней странице статьи.
For complete information about the author, see the last page of the article.

Abstract. This article examines the impact of scientific and technological achievements of Industry 4.0 on the perception of political reality in modern society. Using the example of the evolution of classical and modern ideologies, a complex multilevel relationship between industrial revolutions and socio-economic processes that cause qualitative changes in the structure of public consciousness is revealed. The author comes to the conclusion that the intensive development of Industry 4.0 and its uncontrolled integration into the system of public relations can lead to an unprecedented differentiation of society and serve as an impetus for the actualization of reactionary political and ideological trends.

Keywords: Industry 4.0, industrial revolution, industrial revolution, modern ideologies, ideological transformations, information society, post-industrial society.

For citation: Furs V.A. Prerequisites for Ideological Transformations in Modern Post-Industrial Society in the Context of the Development of Industry 4.0. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2024, vol. 47, pp. 7-19. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.47.7> (in Russian)

Введение

Концепция Индустрии 4.0 впервые была представлена в 2011 г. на Ганноверской ярмарке в Германии как перспективная стратегия промышленного развития, в основе которой лежит интеллектуальный мониторинг производственных процессов [16]. В деловых кругах Индустрия 4.0 вскоре получила метафорическое название «умная фабрика» [12]. Умная фабрика позволяет создать в любых сферах деятельности виртуальную копию физического мира с автономным и децентрализованным управлением.

В современном общественном дискурсе термин Индустрия 4.0 используется для обозначения текущего этапа индустриальной революции. Главная особенность данного этапа состоит в углублённой автоматизации производственных процессов, а также межотраслевой интеграции современных технологических достижений для повышения экономической эффективности производства. Другая особенность заключается в значительном воздействии новых технологий на различные сферы и стороны общественных отношений. При этом масштаб возможных социально-экономических и культурных изменений в данный момент сложно поддаётся анализу в силу нескольких причин. Во-первых, Индустрия 4.0 представляет собой не отдельную технологию, а целый комплекс взаимосвязанных технологий, каждая из которых может гипотетически повлиять на социальные изменения. При этом достаточно сложно рассчитать социальный эффект этих технологий именно в комплексе или в сочетании отдельных технологий. Во-вторых, высокие темпы интеграции новых технологий в социальную среду не позволяют политикам и экспертам своевременно оценивать последствия технологических инноваций и реагировать на них; в-третьих, распространение технологий четвертой индустриальной волны может восприниматься в отдельных обществах как угроза социальной стабильности, покушение на традиции или этические нормы. В этом случае процесс внедрения новых технологий будет протекать неравномерно.

Тем не менее наблюдаемые в настоящее время изменения на рынке труда дают объективные основания для прогнозирования изменений в социальной структуре общества в ближайшем будущем. Масштабная автоматизация различных форм человеческого труда может повлечь за собой не только мар-

гинализацию части трудоспособного населения и усиление имущественного неравенства, но и формирование принципиально нового понимания роли человеческого труда в экономике и системе общественных отношений как таковой. При этом остаются открытыми вопросы: каким образом обусловленные новой индустриальной волной социальные метаморфозы способны повлиять на общественное сознание и насколько традиционные политические институты готовы к вызовам новой индустриальной эпохи?

Цель данного исследования – изучить возможные варианты и формы воздействия Индустрии 4.0 на политическое сознание. Основной акцент в публикации сделан на особенностях восприятия власти и социума в новой технологической реальности, а также на потенциале традиционных и новых политико-идеологических течений.

Задачи исследования состоят в выявлении сложных взаимообуславливающих связей между технологическими, социально-политическими и мировоззренческими изменениями в обществе, в изучении специфики новых технологий и их социально-экономического потенциала, в прогнозировании идеологических трансформаций, связанных с социальными последствиями новой индустриальной волны.

Результаты исследования

1. Теоретические основы технологического детерминизма: технологии как стимул идеологических трансформаций

В политической науке анализ корреляций между технологическими революциями и социально-политическими изменениями редко являлся предметом специальных исследований. Тем не менее ещё в первой половине XX в., когда влияние технологий на социальную динамику становилось все более ощутимым, в академической среде начали формироваться идейные основы современного технологического детерминизма. Общим для ряда известных учёных и политиков стало убеждение, что новые научно-технологические открытия могут быть движущей силой глубинных социальных изменений.

Так, в работах Ортеги и Гассета, Хайдеггера прослеживалось стремление обосновать экзистенциальную значимость техники для человека и социума. Ортега и Гассет, рассуждая об особенностях современной стадии научно-технологического развития, указывал на фатальную зависимость общества от достигнутого уровня техники, без которой материальное существование современного человека становится невозможным. В результате наблюдений философ пришёл к интересному выводу: «Человек без техники, если не придраться к словам, не является человеком» [17].

Более сложную и во многом революционную для своего времени концепцию взаимоотношений человека и техники предложил Мартин Хайдеггер. Рассматривая процесс научно-технологического развития с позиций объективного идеализма, Хайдеггер определял технику как один из способов обнаружения бытия сущего. Распространённый стереотип о господстве человека над техникой он считал ложным: создание техники человеком про-

диктовано не его собственными интересами, потребностями или желаниями, а необходимостью отвечать на вызовы объективной реальности [10, с. 309]. Кроме того, господство техники в современном мире предполагает адаптацию человека к технике, но не наоборот. Так, согласно Хайдеггеру, для функционирования современной экономики, построенной на механизации и точных расчётах, «требуется человечество, которое в самой своей основе соразмерно уникальному существу новоевропейской техники и её метафизической истине, то есть которое даёт существу техники целиком овладеть собою» [3, с. 285].

Особенность взглядов Ортеги и Хайдеггера состоит в исключении из процесса развития техники человека как волевого субъекта: человек не по собственной воле преобразует окружающую действительность, а, являясь её неотъемлемой частью, лишь реагирует на её изменения.

Непосредственное влияние технологических инноваций на политическую сферу одним из первых сумел описать английский социолог Карл Мангейм. Изучая возможности применения новых технических изобретений в управлении обществом, он совершил переход от общего социокультурного контекста проблемы к конкретным, наблюдаемым политическим процессам. Для обозначения средств политического контроля, эффективно применявшихся тоталитарными режимами Германии, Италии и СССР в 20–40-е гг. XX в. Мангейм использовал категорию «социальная технология», под которой понимал совокупность экономических, политических, социальных методов управления в сочетании с техническими средствами коммуникации, включая радиовещание и массовую печать. Эта технология позволяет управлять массовым сознанием и поведением в интересах правящего класса. Кроме того, Мангейм одним из первых поставил вопрос о ценностной и идеологической нейтральности социальной технологии: она потенциально может быть использована любым политическим режимом и адаптирована под любую идеологию [4].

Начиная со второй половины XX в. влияние технологического развития на политическую сферу стало рассматриваться преимущественно в контексте эволюционного перехода от индустриального общества к постиндустриальному. Д. Белл, Ю. Хабермас, Э. Тоффлер одной из ключевых характеристик постиндустриального общества считали рационализацию экономической и политической сферы. Рационализация, обусловленная интенсивным развитием науки и техники, должна способствовать разрешению характерных для индустриального общества социальных проблем и антагонизмов, вследствие чего может исчезнуть необходимость в традиционных формах политической борьбы и методах управления обществом. Так, Д. Белл, следуя логике научно-технологического детерминизма, считал политические идеологии пережитком индустриальной эпохи: в высокотехнологичном индустриальном обществе «прежние политические идеи и радикальные движения истожили себя и не обладают способностью возбуждать страсти» [11].

Согласно Хабермасу, в позднем капиталистическом обществе на смену традиционным политическим идеологиям приходит технократическое со-

знание, в основе которого лежит позитивистское восприятие социальной действительности. Влияние науки и техники проявляется в прогрессирующей рационализации институциональных и внеинституциональных сфер общества. Технократическое сознание, вытесняя из системы общественных отношений нравственные императивы и замещая их категориями целерационального действия, способствует деполитизации масс [9]. Так, например, политические решения, по мнению Хабермаса, могут восприниматься как сугубо технические задачи без каких-либо идеологических оснований. Однако, в отличие от Белла, Хабермас видел в рационализации общества не только естественный ход истории, но и интересы капиталистической элиты: современные научно-технические достижения могут способствовать решению острых социальных противоречий, но и создавать в общественном сознании иллюзию их отсутствия в интересах правящих кругов.

Американский футуролог Э. Тоффлер, акцентируя внимание на развитии информационных технологий, спрогнозировал появление «экономики знаний», которая станет источником глубинных социально-экономических и политических изменений. Переход к новому укладу должен повлечь за собой коренные изменения в социальной структуре, усиление имущественной дифференциации общества, возникновение социальных конфликтов нового типа. Кроме того, для развития новой экономики потребуются упразднение устаревших политических норм и институтов, ранее созданных под нужды индустриального общества: «цивилизацией третьей волны невозможно управлять с помощью политического аппарата второй волны» [8, с. 118].

В основе выводов учёных о влиянии науки и техники на политико-идеологические метаморфозы современного общества часто лежала простая статистическая экстраполяция исторического опыта на социальную действительность XX в. Если в индустриальную эпоху развитие техники стимулировало зарождение и распространение новых идеологических течений, то подобные процессы гипотетически должны протекать и в постиндустриальном обществе. Поскольку многие труды, посвящённые этой проблематике, создавались на стадии зарождения и ранних этапах развития постиндустриального общества, выводы учёных в большей степени носили прогностический характер. В настоящее время, когда повсеместно начали проявляться результаты и социальные последствия интенсивного научно-технологического развития в период с середины XX по начало XXI в., у нас есть объективные основания для того, чтобы проверить правильность выявленных закономерностей, а также оценить их актуальность и исследовательский потенциал применительно к социальным последствиям Индустрии 4.0.

2. Индустрия 4.0 и новая социальная реальность

В обобщённом виде выводы сторонников технологического детерминизма можно структурировать следующим образом: в основе идеологических трансформаций лежат обусловленные технологическими инновациями изменения в мировоззрении, изменения в социальной структуре общества, появление новых форм и ресурсов власти. На данном этапе исследования важно установить, каким образом и насколько существенно развитие Инду-

стрии 4.0 может повлиять на подобные изменения в контексте современного общества.

Прежде всего, Индустрия 4.0 коренным образом меняет привычные представления о человеческом труде. Если прежние индустриальные волны способствовали в основном появлению новых форм труда, то внедрение Индустрии 4.0 заставляет основательно пересмотреть роль труда в жизни человека и его социально-экономические функции. Так, первая, вторая и третья промышленные революции способствовали не только вытеснению ручного труда, но и появлению новых профессий, экономическая значимость которых предопределяла положение человека в обществе, его образ жизни и идеологические ориентации. Индустрия 4.0 за счёт тотальной автоматизации и роботизации производственных процессов создаёт условия для постепенного отчуждения человека из системы хозяйственных и производственных отношений. Кроме того, благодаря интеграции информационных технологий с достижениями нейронауки и биоинженерии наравне с «технологиями вещей» интенсивно развиваются «технологии идей» [18], способные перевернуть привычные представления о сущности человека и его месте в новой реальности.

Одна из ключевых особенностей новой индустриальной волны состоит в том, что технологическое замещение затрагивает те сферы, где задействованы свойственные человеческой сущности творческие и волевые начала. Даже частичное замещение интеллектуальной, творческой и управленческой деятельности человека искусственным интеллектом заставляет задуматься о новом статусе техники как носителя социально-значимых функций и источнике ответственных решений. Учитывая это, можно предположить, что мировоззрение позднего постиндустриального общества может быть построено в том числе на дегуманизации таких фундаментальных правовых и философско-этических категорий, как справедливость, правда, ответственность, ложь, истина, добро и зло. Если, например, принятое искусственным интеллектом решение о сокращении сотрудников на предприятии будет оценено как несправедливое, то источником несправедливости будет восприниматься искусственный интеллект, а не его разработчик. Это также ломает традиционные механизмы защиты прав: непонятен процесс оспаривания подобных решений, когда субъектами спора выступают человек и искусственный интеллект. В этом контексте сложно представить себе роль профсоюзов и правозащитных организаций в новом высокотехнологическом обществе.

История показала, что промышленные революции часто меняли систему сложившихся норм, стереотипов и моделей поведения. Обращаясь к конкретным примерам, следует упомянуть первую промышленную революцию и связанные с ней процессы зарождения раннего буржуазного общества в европейских странах. Так, на рубеже заката феодальной и зарождения раннекапиталистической системы процесс развития научных знаний и производственных технологий сопровождался болезненным преодолением средневекового мировоззрения, включая представления о природе и предназначении человека, общества, государства. Новая индустриальная реальность

была не совместима со средневековым фатализмом и теологическим толкованием социально-политических процессов. После череды либерально-буржуазных революций начался сложный процесс адаптации общества к новой картине мира, в которой человек воспринимался уже не как «тварь дрожащая», смиренно подчиняющаяся сложившемуся социальному порядку, а как индивид, наделённый правами, свободами и волей. Общество, в свою очередь, понималось как объединение свободных и равных индивидов, основанное на договорных, но не трансцендентных началах.

Также серьёзные изменения в понимании сущности человека, общества и государства происходили на фоне третьей промышленной революции: начавшееся в конце XX в. интенсивное развитие информационных и транспортных технологий способствовало распространению космополитизма, разрушению национальной идентичности, снижению значимости традиционных социальных и политических институтов. Как и в случае с первой промышленной революцией, внедрение новых технологий повлекло за собой формирование качественно новой экономической конъюнктуры, отторгающей прежние модели мышления, поведения и социального взаимодействия: для развития глобальной экономики требовался человек с другим миропониманием и другими потребностями.

Экономическая реальность, созданная Индустрией 4.0, также требует серьёзных трансформаций в общественном сознании. При этом социальные и мировоззренческие противоречия, порождённые прежними индустриальными волнами, ещё далеки от разрешения: например, глобализация и связанные с ней культурные, демографические, социально-экономические изменения у многих людей вызывают отторжение, что способствует возрождению консервативных идейных течений во многих странах мира [6]. Таким образом, мировоззренческие метаморфозы, вызванные развитием Индустрии 4.0, наслаиваются на все ещё актуальные вызовы и антагонизмы недавнего прошлого. Вероятно, по этой причине ещё на стадии интенсивного развития Индустрии 4.0 появилась концепция Общества 5.0 как некая улучшенная модель современного информационного общества, призванная смягчить накопленные и неразрешённые противоречия [7].

Тем не менее прежние индустриальные волны не ставили технику на один уровень с человеком, по крайней мере, в тех сферах деятельности, где требуется принятие социально значимых решений. В настоящее время технологии ИИ уже задействованы в построении социальных рейтингов, принятии судебных решений, оценке знаний и навыков человека, постановке медицинских диагнозов, анализе результатов голосования и других ответственных процедурах. Кроме того, в концепции Общества 5.0 планируется существенно расширить зону ответственности интеллектуальных технологий [20]. Поэтому вполне вероятно, что предметом новых идеологических противоречий станет дилемма: искусственный интеллект это «что» или «кто».

Внедрение автоматизации и роботизации может повлиять не только на восприятие труда как социальной функции, но и на сокращение числа востребованных профессий, а следовательно, и рабочих мест. Согласно прогно-

зам феномен «технологической безработицы» к 2030 г. станет серьёзной угрозой для человечества: темпы и масштабы исчезновения профессий могут стать беспрецедентными в истории [19].

Возникающее вследствие глубинной трансформации рынка труда неравенство может послужить стимулом для возникновения новых идеологических течений, отражающих интересы и амбиции граждан, которые оказались не востребованными в новой системе производственно-трудовых отношений.

Как показывает исторический опыт, в результате индустриальных революций прошлого в обществе возникали новые основания и новые формы социального неравенства, что предопределяло ценностно-смысловую наполненность и динамику идейно-политических течений. Так, способствовавшая утверждению классического либерализма [3] первая промышленная революция стала причиной новой социальной дифференциации, в основе которой лежал неравный доступ к орудиям производства и капиталу. Вторая промышленная революция лишь обострила противоречия индустриального общества, усилив классовую борьбу. Третья промышленная революция, лейтмотивом которой стал неолиберализм, породила феномен цифрового неравенства [5]: неравный доступ к информационным технологиям и вместе с тем к современным финансовым инструментам усилил разрыв между бедными и богатыми странами, а также запустил механизм сокращения среднего класса в развитых странах. Социально-экономические издержки первой и второй промышленной революции вызвали разочарование в либерализме и буржуазном обществе, что послужило стимулом для распространения коммунистической идеологии, анархизма, а чуть позже новых, радикальных форм консерватизма – фашизма и национал-социализма. Социальные последствия третьей промышленной революции привели к кризису неолиберализма, который создал благоприятные условия для «консервативного ренессанса», для распространения антиглобализма и левого либерализма.

Принимая во внимание высокие темпы внедрения технологий четвертой технологической волны в различные сферы экономики, можно предположить, что в ближайшем будущем структура социального неравенства может выглядеть следующим образом:

1. Неравенство, вызванное беспрецедентным в истории вытеснением традиционных профессий, главным образом тех профессий, которые до недавнего времени были прерогативой специалистов средней и высшей квалификации. Уровень расслоения будет во многом зависеть от соотношения между устаревающими профессиями и новыми профессиями, связанными с использованием и обслуживанием технологической инфраструктуры Индустрии 4.0. Однако, учитывая высокие темпы внедрения технологий автоматизации и искусственного интеллекта, можно ожидать градации общества на две устойчивые страты: меньшинство, вовлечённое в новые формы трудовой занятости [14], и большинство, состоящее из невостребованных граждан, основным средством существования которых является получение социальной поддержки в виде безусловного базового дохода [1].

2. Неравенство, связанное с концентрацией передовых производственных технологий в руках узкого круга собственников и разработчиков. Ещё на ранних этапах цифровизации заметно возросла экономическая и политическая значимость интеллектуальной собственности. Так, крупные IT-корпорации, обладая исключительным правом на распространение массовых IT-разработок, сумели не только занять монопольное положение в своих сферах, но и стать влиятельной политической силой – так называемой пятой властью [15, с. 73]. Однако возможности Индустрии 4.0 выходят далеко за пределы привычных социальных сетей и мессенджеров: технологии четвертой волны интегрируются в сферы здравоохранения, образования, государственного управления, контроль над которыми предполагает ответственность за жизнь, благополучие и безопасность человека. В данном случае правообладатели технологий и обычные граждане находятся в заведомо неравном положении, что может создать новые предпосылки для социального раскола и спровоцировать дискуссию о внедрении механизмов общественного контроля над жизненно важными технологиями, например высокотехнологичной медициной.

Если последовательно проводить аналогии с индустриальными волнами прошлого, закономерно возникают следующие вопросы: есть ли у сторонников и реципиентов Индустрии 4.0 своя идеологическая опора и что может стать её идеологическим противовесом в случае дальнейшего раскола общества и обострения социальных антагонизмов?

Так, в публичных выступлениях и экономических проектах сторонников новой индустриализации часто прослеживается попытка идеологического обоснования новой технологической парадигмы [13]. В качестве основной цели внедрения Индустрии 4.0 часто провозглашается создание новой универсальной модели развития общества, основанной на экологически чистой экономике, рациональном потреблении, социально ориентированном распределении ресурсов, биоинженерной коррекции человека. В конечном счёте развитие Индустрии 4.0 за счёт тотальной цифровизации и автоматизации экономики должно способствовать сокращению бедности, разрешению социальных противоречий и улучшению среды обитания. Однако для достижения этих целей необходимо пожертвовать некоторыми достижениями либеральной демократии – приватностью и неприкосновенностью частной жизни: проект нового общества предполагает снятие ограничений по доступу к личным данным граждан, позволяющим отслеживать поведенческие модели человека, определять его экономический потенциал и выстраивать соответствующие рейтинги. При этом сторонники новой индустриализации обходят стороной вопросы, касающиеся возможных культурных (в широком смысле), социально-экономических и политических последствий повсеместного внедрения технологий новой волны.

В историческом плане данная позиция повторяет хорошо известные положения многих предшествующих идеологий, которые в пределах своей специфичной картины мира в качестве основополагающей цели провозглашали построение справедливого общества или достижение некоего обще-

ственного идеала. В контексте нашего времени меняется лишь технологический образ идеального общества, но сохраняются риски развития ситуации, в которой забота об общественном благе окажется лишь декларируемым моральным императивом борющихся за власть групп. У идеологии сторонников Индустрии 4.0 пока нет названия, что является вопросом времени, но есть стремление к кардинальному преобразованию современного общества в интересах крупных корпораций и инвестиционных фондов. Смогут ли последствия этих преобразований послужить серьёзным стимулом для формирования реакционных идеологических течений? Главным образом это будет зависеть от положения и возможностей «цифровых неимущих» [2] – социальных изгоев, формирующих абсолютное большинство: какое место они займут в иерархии нового общества и в какие сферы деятельности будут вовлечены, как они будут воспринимать новое общество и власть, сформируется ли у них групповое сознание? Вполне закономерным будет выглядеть появление новых форм консерватизма, распространение левых идеологических течений, а также религиозных учений, интегрированных в новую реальность. Новый консерватизм, если обратиться к историческому опыту, должен быть ориентирован на возрождение утраченных в результате технологической модернизации представлений о природе и сущности человека, его социальных функциях, правах и свободах. Дискурсивным полем левых течений может стать борьба за справедливое, социально ориентированное перераспределение плодов Индустрии 4.0 и получаемых от неё доходов. В свою очередь, религиозные учения могут привлечь людей, ощущающих утрату духовности, смыслов и целей в новой технологической реальности.

Выводы

Анализируя технологические и социально-экономические тенденции нашего времени, можно выделить ряд ключевых проблем, с которыми будут связаны социальные кризисы и идеологические трансформации ближайшего будущего.

Первая проблема – масштабное замещение человеческого труда информационными технологиями и робототехникой, включая виды деятельности, затрагивающие глубокие пласты человеческой культуры. Парадокс нашего времени заключается в следующем: научно-технологическое развитие, изначально нацеленное на улучшение жизненных условий человека и общества, в конечном счёте может выйти из-под контроля и быть обращено против самого человека, делая его изгоем в новой высокотехнологичной экономике.

Вторая проблема – преобладание технократического подхода в государственном и корпоративном управлении на фоне обесценивания традиционных моральных ориентиров и гуманистических ценностей. Восприятие гражданина как экономической единицы, но не как личности серьёзно усиливает риски дегуманизации общественных отношений. Индустрия 4.0 способна значительно расширить инструментарий технократического подхода.

Третья проблема – концентрация властных ресурсов и капитала в руках субъектов, владеющих передовыми технологиями. Временные интервалы

между научными открытиями сокращаются настолько быстро, что социальные институты не успевают адаптироваться к экономической конъюнктуре, стремительно меняющейся под влиянием технологий. Образовавшийся разрыв между темпами технологического и социального развития неизбежно ведёт к дисбалансу в социальной структуре общества, а следовательно, и к изменениям в общественном сознании.

Четвертая проблема – усиливающийся разрыв в технологическом и социально-экономическом развитии между развитыми и развивающимися странами. Если в развитых странах переход к новым технологическим стандартам происходит динамично, достаточно последовательно и равномерно, то в развивающихся странах процесс интеграции передовых технологий, как правило, протекает с запозданием, при этом носит фрагментарный и хаотичный характер. Часто новейшие технологии наслаиваются на непреодоленную в прошлые индустриальные волны технологическую отсталость. Исходя из этих закономерностей, можно предположить, что Индустрия 4.0 усилит отставание бедных и беднейших стран, создав тем самым предпосылки для новых социальных потрясений и более контрастных, чем в развитых странах, идеологических изменений.

Принимая во внимание характер и масштабы перечисленных проблем, а также учитывая накопленный исторический опыт, можно констатировать, что в наше время, как никогда прежде, в общественном сознании будет расти запрос на социальную справедливость, гуманизм и традиционализм. Разочарование в результатах новой технологической революции может создать благодатную почву для популистских идеологических течений левого и правого толка, а также для религиозного фундаментализма. Дальнейшие метаморфозы в структурах общественного сознания будут во многом зависеть от того, смогут ли правящие элиты переориентировать научно-технологические достижения на разрешение острых социальных проблем. Однако данный сценарий потребует от правящих элит не только политической воли, но и готовности вступить в конфликт интересов с крупнейшими корпорациями, а также пересмотреть существующие рыночные механизмы и правила.

Список литературы

1. Безусловный базовый доход: критериальные основы, переходные формы и опыт экспериментов по внедрению / В. Н. Бобков, Е. А. Черных, С. А. Золотов, В. В. Павлова // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 84–94. <https://doi.org/10.31857/S013216250009313-7>
2. *Грингард С.* Интернет вещей: будущее уже здесь. М. : Альпина Паблишер, 2017. 224 с.
3. *Каландаршвили З. Н.* Индустриальное общество: становление либерального и демократического конституционного режима // Образование и право. 2023. № 7. С. 95–101. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-7-95-101>
4. *Мангейм К.* Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. М. : Юрист, 1994. 704 с.
5. *Мисько О. Н.* Неолиберальный постмодерн и гиперимпериализм // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 4 (38). С. 49–60. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2021-04-49-60>
6. Национально-государственная идентичность в современной Европе в контексте происходящих миграционных и политических процессов / М. А. Бурда, Е. Е. Хорева, М. А. Ларкина, В. П. Беляева // Вопросы политологии. 2019. Т. 9, № 8(48). С. 1799–1806.

7. Салимова Т. А. Общество 5.0 – новая модель социально-экономического развития? // Стандарты и качество. 2021. № 1. С. 50–53. <https://doi.org/10.35400/0038-9692-2021-1-50-53>
8. Тоффлер Э. Третья волна. М. : АСТ, 2004. 261 с.
9. Хабермас Юрген. Техника и наука как «идеология» / пер. с нем. М. Л. Хорькова. М. : Праксис, 2007. 208 с.
10. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Проблема человека в западной философии. М. : Прогресс, 1988. 544 с.
11. Bell D. The End of Ideology. On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. Glencoe, Illinois: The Free Press, 1960. 416 p.
12. Dutton H. W. Putting Things to Work: Social and Policy Challenges for the Internet of Things // Info. 2014. Vol. 16, N 3. P. 1–21. <https://doi.org/10.1108/info-09-2013-0047>
13. Fuchs Christian. Industry 4.0: The Digital German Ideology // tripleC Communication Capitalism & Critique Open Access Journal for a Global Sustainable Information Society. 2018. N 16 (1). P. 280–289. <https://doi.org/10.31269/vol16iss1pp280-289>
14. Gierten D., Spiezia V. New Forms of Work in the Digital Economy // 2016 Ministerial meeting on the digital economy. Technical report. Working Paper. June 2016. 44 p. <https://doi.org/10.1787/5jlwnklt820x-en>
15. Greene L. Silicon States: The Power and Politics of Big Tech and What It Means for Our Future. Berkeley, California : Counterpoint, 2018. 288 p.
16. Morrar R., Arman H., Mousa S. The Fourth Industrial Revolution (Industry 4.0): A Social Innovation Perspective // Technology Innovation Management Review. 2017. N 7 (11). P. 12–20. <http://doi.org/10.22215/timreview/1117>
17. Ortega y Gasset J. Meditacion de la technika. Madrid : Biblioteca Nueva, 2015. 225 p.
18. Schwartz B. Idea Technology and Ideology // Culture, Medicine and Psychiatry. 2022. Vol. 46. N 1. P. 12-30. <https://doi.org/10.1007/s11013-021-09712-x>.
19. Szabó-Szentgróti G., Végvári B., Varga J. Impact of Industry 4.0 and Digitization on Labor Market for 2030-Verification of Keynes' Prediction // Sustainability. 2021. N 13 (14): 7703. 19 p. <https://doi.org/10.3390/su13147703>
20. From Industry 4.0 towards Industry 5.0: A Review and Analysis of Paradigm Shift for the People, Organization and Technology / M. C. Zizic, M. Mladineo, N. Gjeldum, L. Celent // Energies. 2022. N 15: 5221. 20 p. <https://doi.org/10.3390/en15145221>.

References

1. Bobkov V.N., Chernykh E.A., Zolotov S.A., Pavlova V.V. Bezuslovnyi bazovyi dokhod: kriterialnye osnovy, perekhodnye formy i opyt ehksperimentov po vnedreniyu [Unconditional basic income: criteria bases, transitional forms and experience of implementation experiments]. *Sociologicheskije issledovaniya* [Sociological research], 2020, no. 10, pp. 84-94. <https://doi.org/10.31857/S013216250009313-7> (in Russian)
2. Gringard S. Internet veshchei: budushchee uzhe zdes [Internet of Things: the future is already here]. Moscow, Alpina Publ., 2017, 224 p. (in Russian)
3. Kalandarishvili Z.N. Industrialnoe obshchestvo: stanovlenie liberalnogo i demokraticheskogo konstitutsionnogo rezhima [Industrial society: the formation of a liberal and democratic constitutional regime]. *Obrazovanie i pravo* [Education and law], 2023, no. 7, pp. 95-101. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-7-95-101>. (in Russian)
4. Mangeim Karl. Ideologiya i utopiya [Ideology and utopia]. *Diagnoz nashego vremeni* [Diagnosis of our time]. Moscow, Yurist Publ., 1994, 704 p. (in Russian)
5. Misko O.N. Neoliberalnyi postmodern i giperimperializm [Neoliberal Postmodernism and Hyper-imperialism]. *Evrasijskaya integraciya: ekonomika, pravo, politika* [Eurasian integration: Economics, Law, Politics], 2021, no. 4 (38), pp. 49-60. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2021-04-49-60>. (in Russian)
6. Burda M.A., Khoreva E.E., Larkina M.A., Belyaeva V.P. Natsionalno-gosudarstvennaya identichnost v sovremennoi Evrope v kontekste proiskhodyashchikh migratsionnykh i politicheskikh protsessov [National-State identity in modern Europe in the context of ongoing migration and political processes]. *Voprosy politologii* [Questions of political science], 2019, vol. 9, no. 8 (48), pp. 1799-1806. (in Russian)

7. Salimova T.A. Obschestvo 5.0 – novaya model sotsialno-ehkonomicheskogo razvitiya? [Society 5.0 – a new model of socio-economic development?]. *Standarty i kachestvo* [Standards and Quality], 2021, no. 1, pp. 50-53. <https://doi.org/10.35400/0038-9692-2021-1-50-53> (in Russian)
8. Toffler E.H. *Tretiya volna* [The third wave]. Moscow, АСТ Publ., 2004, 261 p. (in Russian)
9. Khabermas Yurgen. Tekhnika i nauka kak “ideologiya” [Technology and science as an “ideology”]. Transl. from German M. L. Khorkova. Moscow, Praksis Publ., 2007, 208 p. (in Russian)
10. Khaidegger M. Evropeiskii nigilizm [European Nihilism]. *Problema cheloveka v zapadnoj filosofii* [The Problem of Man in Western Philosophy]. Moscow, Progress Publ., 1988, 544 p. (in Russian)
11. Bell D. *The End of Ideology. On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties*. Glencoe, Illinois, The Free Press, 1960, 416 p.
12. Dutton H.W. Putting Things to Work: Social and Policy Challenges for the Internet of Things. *Info*, 2014, vol. 16, no. 3, pp. 1-21. <https://doi.org/10.1108/info-09-2013-0047>
13. Fuchs Christian. Industry 4.0: The Digital German Ideology. *TripleC Communication Capitalism & Critique Open Access Journal for a Global Sustainable Information Society* January, 2018, no. 16 (1), pp. 280-289. <https://doi.org/10.31269/vol16iss1pp280-289>
14. Gierten D., Spiezia V. New Forms of Work in the Digital Economy. *2016 Ministerial meeting on the digital economy. Technical report. Working Paper*. June 2016, 44 p. <https://doi.org/10.1787/5jlwnklt820x-en>
15. Greene L. *Silicon States: The Power and Politics of Big Tech and What It Means for Our Future*. Berkeley, California, Counterpoint, 2018, 288 p.
16. Morrar R., Arman H., Mousa S. The Fourth Industrial Revolution (Industry 4.0). A Social Innovation Perspective. *Technology Innovation Management Review*. 2017, no. 7 (11), pp. 12-20. <http://doi.org/10.22215/timreview/1117>
17. Ortega y Gasset J. *Meditacion de la tecnica*. Madrid, Biblioteca Nueva, 2015, 225 p.
18. Schwartz B. Idea Technology and Ideology. *Culture, Medicine and Psychiatry*. 2022, vol. 46, no. 1, pp.12-30. <http://doi.org/10.1007/s11013-021-09712-x>.
19. Szabó-Szentgróti G., Végvári B., Varga J. Impact of Industry 4.0 and Digitization on Labor Market for 2030-Verification of Keynes’ Prediction. *Sustainability*. 2021, no. 13 (14):7703, 19 p. <https://doi.org/10.3390/su13147703>.
20. Zizic M.C., Mladineo M., Gjeldum N., Celent L. From Industry 4.0 towards Industry 5.0: A Review and Analysis of Paradigm Shift for the People, Organization and Technology. *Energies*. 2022, no. 15: 5221, 20 p. <https://doi.org/10.3390/en15145221>

Сведения об авторе

Фурс Виталий Александрович
кандидат политических наук, доцент,
кафедра философии
Академия государственной
противопожарной службы МЧС России
Российская Федерация, 129366, г. Москва,
ул. Бориса Галушкина, 4
e-mail: vitaly.furs@yandex.ru

Information about the author

Furs Vitaly Aleksandrovich
Candidate of Sciences (Political Science),
Associate Professor, Department of Philosophy
Academy of State Fire Service EMERCOM
Russia
4, B. Galushkin st., Moscow, 129366,
Russian Federation
e-mail: vitaly.furs@yandex.ru